

Вероника Иванова

Вероника Иванова

(На)следственные
мероприятия

Роман

Москва, 2012
ЕАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
И20

Художники
О. и Е. Юдины

Иванова В. Е.
И20 (На)следственные мероприятия: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 407 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1114-6

Когда мир и покой целого города висят на волоске, причем одного-единственного человека, казалось бы, нет ни времени, ни возможности заниматься семьей и домом. Но, как нарочно, мафиозные разборки упорно переходят из противостояния двух сторон закона в выяснение родственных и дружеских отношений... А впрочем, что удивительного? Ведь «коза ностра» — это прежде всего «дела семейные».

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1114-6

© Иванова В. Е., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

*ВСТУПЛЕНИЕ,
из которого читатели непосвященные
получают представление о главных действующих лицах,
а читатели посвященные встречаются
со старыми знакомыми*

— Эй, ты меня слышишь?

Что это? Голос. Кричащий почти в самое ухо.

— Слышу, не глухой...

Слова прозвучали отдельно. От меня. Наверное, я сказал совершеннейшую глупость, но как раз в этот момент мутное пятно, дергающееся перед моими глазами, обрело четкие контуры, превратившись в лицо. Чье-то. Знать бы еще чье.

Черты правильные. Изящные даже где-то и в чем-то. Только разрез глаз странный. Чужой. Уж точно не такой, какой я привык видеть в зеркале. А вот цвет... Должен быть темный, карий, вишневый, кофейный, любых темных оттенков, в общем, но не голубой же! Непонятно... Волосы черные, цвет кожи слегка желтоватый. Нет, не болезненный ни в коем случае. Да, теперь все сходится: совокупность наблюдаемых черт вполне подходит человеку азиатской расы. И все-таки цвет глаз... А скорее всего линзы или другое новомодное веяние. Не буду заикливаться, тем более что...

Не помню, как сам выгляжу. И вообще... Кто я?

Щелчки пальцев перед носом. А, красавчик проверяет мою реакцию. Вернее, ее наличие. Врач, что ли? Так я вроде не болен. Или... Голова какая-то пустая. Как ведро. С одним-единственным камешком, скрежещущим по жестяному дну. Не больно, а противно.

Отмахиваюсь от надоедливо щелкающих пальцев:

— Прекрати, в самом деле! И без тебя тошно.

Кажется, тревоги в выражении лица брюнета становится чуть меньше. Но он не унимается:

— С тобой все хорошо?

— А?

— Да хорошо, хорошо! — Вместо меня отвечает кто-то другой, явно чем-то недовольный. — Глазами хлопает, языком ворочает. Что еще надо?

Поворачиваю голову.

Блондин. Смазливый, светлоглазый. В спортивном костюме и с мячиком в руках. Хороший такой мячик, большой. Откуда-то из памяти всплывает: баскетбольный. Потрясающие сведения! Главное, вовремя. Но мне нужно знать не это, мне нужно знать, как зовут меня, а не мяч!

— Джей, уж ты бы помолчал! — огрызается брюнет.

— А что я? — «Спортсмен» очень даже искренне обижается. — Можно подумать, это я ему мячом залепил! Рэнди скажи спасибо!

— Право, джентльмены, я и в самом деле должен извиниться...

О, еще один. Здоровенный, как шкаф. Шатен. Темноглазый. Их бы с брюнетом цветом гляделок поменять, было бы правильно и нормально. Тоже одет по-спортивному. Господи, а что это за место?

Старательно фокусирую взгляд на окрестностях.

Дворик. Нет, двор, и большой. А я и трое парней находимся в его отгороженной сеткой части. Кстати, именно к сетке меня и прислонили. Не слишком удачно, кстати: спина уже чувствует себя крайне неудобно. Да и согнутые ноги тоже.

Встаю. Голова пытается совершить круг, но почему-то передумывает и останавливается. И то радость: не хватало еще упасть носом в плотно утрамбованный песочек спортивной площадки.

Черт! Еще и штаны на заднице влажные. В том месте, которое касалось песка. А, все правильно: он мокрый, и, видимо, от недавнего дождя. Да, на остальном покрытии двора виднеются лужицы.

Провожу рукой по затылку. Ого, и там песок! Такой же мерзкий, как и на одежде. Начинаю вспоминать. Правда, недолго, потому что всех воспоминаний хватает только на короткую перепалку, из которой можно выяснить... Что мне попали мячом по голове. Ну, в какую именно часть головы, спрашивать не надо: сам чувствую.

— Тебе лучше сейчас полежать, — настаивает брюнет.

— Сам знаю, что мне лучше.

Надо же, какой настырный! Что ему от меня нужно?

— У тебя, похоже, сотрясение мозга, — продолжает этот замороженный медик.

Собираюсь сказать, что именно и в какой последовательности сотряслось у него, но меня опережает блондин, радостно заявляющий:

— Да ты что, Аmano! Это если б мозги были, было бы сотрясение! А в случае Мо...

Разворачиваюсь и хмуро смотрю на весельчака. Не знаю, какое выражение приобретает мое лицо, но веселье быстренько и бесследно исчезает. Сказать что-нибудь? В качестве контрольного выстрела? А, перебьется! С шавками лучшая политика — не замечать. Пусть себе лают, а караван все равно будет идти...

И я пойду.

— Эй, ты куда? Подожди!

Опять он. Нет чтобы остаться со шкафом, которого зовут «Рэнди» и этажеркой, отзывающейся на имя «Джей»! За мной потянулся. И это в то самое время, когда мне настоятельно требуется побыть одному. Хотя вру: побыть вместе с большим белым другом. Нет, не с унитазом. С умывальником.

Плюх, плюх.

Поднимаю голову. В зеркале отражаются капли воды, стекающие по... Это мое лицо? А почему кажется, что чужое?

Невзрачное какое-то. Серенькое. Под цвет глаз. Вроде и не урод, но чего-то не хватает. А волосы... Это же просто божий ужас! Я что, сам себя стригу? Вряд ли такой малохудожественный беспорядок мог выйти из-под ножниц профессионального парикмахера. Впрочем... Нет, пострижено ровно, хотя выглядит растрепанным донельзя. А что, если? Все равно же надо песок из головы вытрясти...

Ну вот, уже лучше: приглаживаю мокрые волосы пятерней. Что получилось? Подобие приличного молодого человека. Впрочем, именно подобие, не больше, потому что одежда выглядит еще хуже, чем лицо. Не то чтобы грязная или рваная, но, скажем так, заношенная, и довольно сильно. Могу поклясться чем угодно, еще и немодная. Если взять костюмчик, в котором щеголяет брюнет, получается минус лет ...дцать относи-

тельно его. Единственное преимущество: джинсы от знакомства с песком выглядеть хуже не стали. Некуда хуже, ага.

Хм... Попробовать угадать собственную профессию, род занятий, так сказать? Нет, сдаюсь заранее. Если по внешнему виду я соответствую своим же представлениям о бродяге (откуда только они взялись, эти представления?), значит, работать могу разве что уборщиком.

Нет. Не сходится. Швабра и ведро, стоящие в углу за чередой писсуаров, не вызывают у меня никаких эмоций. Ни положительных, ни отрицательных. Хотя... Определенно, я умею ими пользоваться. И тряпками тоже. И даже вытирал пол. Но где и когда?

Нет, не вспоминается. Ладно, хватит уже напрягать голову!

— Все нормально?

Да что за черт?! Долго он еще будет за мной ходить? Надо же, у туалета стоял и ждал, пока я налюбуюсь на свое гадкое отражение! Если кто-то из нас и болен, то вовсе не я.

— Тебе что за дело?

— Мо, ты злишься, да? Но Рэнди же не специально...

«Мо». Второй раз. Это мое имя? Больше похоже на кличку. Собачью или кошачью. Так, получается, у меня и имени приличного нет? Зато в наличии полный комплект бреда.

— Зачем ты за мной таскаешься?

— Мо, ты точно хорошо себя чувствуешь? — В голубых глазах снова проявляется тревога.

— Хорошо, плохо... С какой стати я буду тебе об этом рассказывать?

— Что значит, «с какой стати»? Мы же с тобой...

— Мистер, я тебя впервые в жизни вижу.

Он осекся. Хотел что-то сказать, но вместо этого нахмурился:

— Ты не помнишь?

— Что я должен помнить?

— Например, как тебя зовут. — Интонации брюнета стали пугающе напряженными.

Я отвел взгляд.

Соврать? В принципе можно. Есть только одно «но»: вряд ли я смогу соврать удачно. Из той короткой клички, которой меня называют, можно соорудить массу полных имен. А уж сколько фамилий есть на свете! Нет, врать не стоит. Может, если признаюсь честно, он скорее от меня отвяжется?

— Не помню. И что?

Он не ответил, в свою очередь задумчиво отводя глаза.

Странно. Его что, волнует мое здоровье? Бред. Если бы нас с этим красавчиком что-то связывало, я бы почувствовал... Наверное. А может, и не почувствовал бы. В конце концов, врачом я точно никогда не был и, хотя откуда-то знаю, что мое нынешнее состояние называется «амнезия», понятия не имею, как означенное заболевание лечится, а главное, нужно ли его вообще лечить.

— И Барбары в городе нет... — доносится до меня печальное бормотание.

Очередное названное имя тоже не проливает ни лучика света на мое темное прошлое.

— Это еще кто?

— Твоя тетя. И наша начальница.

Если он хотел помочь мне вспомнить, то добился совершенно противоположного результата: запутал еще больше. Как это сразу и тетя, и начальница? Я работаю под руководством близкой родственницы? Хотя слово «тетя» мгновенно вызвало нехорошие позывы в области живота. Любопытно почему? Мы с ней не ладим? По-родственному или из-за работы? Вопросы все больше и больше, и камешков в ведре тоже прибавляется, что никак не способствует хорошему расположению духа.

— Начальница? И где мы работаем?

— В Следственном Управлении Службы Безопасности, — охотно сообщил брюнет. — Отдел Специальных Операций.

И вот тут я понял, что он надо мной издевается. Служба Безопасности, да еще Следственное Управление? Только через мой труп! Я бы ни в жизнь туда не попал. Какая-то глупая шутка, не иначе.

— И кем именно мы работаем?

— Имеешь в виду звания? Капитанские.

Точно, шутка. Никогда не был военным, уж это я помню! Или... Голова качнулась, и сознание вместе с ней.

Вой стартовых двигателей. Строчки букв на мониторе. «Капитан М...» Неужели это правда? Нет, не может быть! Мне срочно надо проветриться.

— Ты куда?

— На свежий воздух!

— Подожди, пожалуйста, в машине. И не смей никуда уходить!

Брюнет пихнул меня на сиденье и захлопнул дверь. Ага, уйдешь тут, как же: еще и своим телом припер, для надежности. Боится, что сбегу? Так мне вроде некуда. По крайней мере, пока.

Да и комм мог прямо здесь терзать, при мне. Стесняется? Подружке звонит, наверное: мол, извини, дорогая, у меня тут образовался коллега с потерей памяти, я его буду теперь за ручку в садик водить. Представляю, что на это ответит его девица!

Прислушиваюсь. Точно, с женщиной разговаривает.

— Пани Ванда, мне очень нужна ваша помощь!... По какому вопросу? Нет, это не вопрос. Это Морган.

Ага, полное мое имя: Морган. Дурацкое. Но, пожалуй, мне подходит, учитывая все остальное. Так, что дальше?

— Что случилось? Мяч в голову ударил.

Хорошо хоть, не кое-что другое, жидкое, желтое и дурно пахнущее.

— Нет, сознания он не терял... Почти. Реакция зрачков на свет нормальная. И была нормальной... Да, возможно, небольшое сотрясение, но проблема не в этом. Понимаете, пани Ванда, он... ничего не помнит! Совсем ничего! Нет, не в этом смысле: двигается и разговаривает адекватно. Но свое имя вспомнить не мог. Место работы — тоже. И меня... Нет, пани Ванда, этот факт меня волнует в самой меньшей степени! Я хочу знать, что мне делать? Как вернуть ему память? Что значит, «никак»?! Пока сам не захочет, не вспомнит? Но... Да, я попробую... Да, спасибо... Спасибо, пани Ванда! Как только полковник вернется в город и войдет в курс ситуации, она примет нужное решение. Спасибо еще раз!

Брюнет плюхнулся на водительское сиденье, не особенно радостный, но с некоторой надеждой в глазах.

Я посмотрел на его нервные телодвижения и хмыкнул:

— Ты водить-то умеешь?

— Да.

— А то мне не улыбается сложить голову в ДТП, даже не узнав, по чьей небрежности.

— Я умею водить машину! — с нажимом в голосе подтвердил брюнет.

— Ну-ну... Тачка-то современая, облицовку кузова не боишься поцарапать? Права небось купил?

— Я не...

Он отвернулся и включил зажигание, а как только информационная панель показала, что температура двигателя достигла минимально необходимого предела, рывком дернул машину с места. Со скрежетом проехавшись правым боком по столбу ограждения.

— Вот-вот, — равнодушно констатировал я. — И никто не узнает, где могилка моя...

Кажется, он выругался, но я не понял ни слова. На свое счастье, потому что лицо у красавчика вполне соответствовало самым нелестным выражениям в мой адрес.

— Вот. Ничего не напоминает? — Брюнет остановил машину в парке, разбитом перед шикарным домом в колониальном стиле.

— Нет. Это что, дворец-музей?

— Это мой дом.

— Кучеряво живешь.

И не надо так зло шуриться, мистер, тебе это не идет!

Черт, а как его-то зовут? Не помню. Тот, который «Джей», называл же какое-то имя... Что-то на букву «А»... Нет, никаких ассоциаций. Вот меня угораздило! А может быть, и к лучшему?

Последняя мысль почему-то вдруг странно успокоила. На самом деле, к лучшему? Тогда есть ли смысл вспоминать?

— И что, все капитаны так живут? — язвлю, чтобы скрыть растерянность.

Брюнет медлит с ответом, чем еще больше меня настораживает. Проблемы имеются? Тоже привычное ощущение, словно речь идет не о неприятностях, а о близких и родных вещах. Впрочем, хотелось бы поточнее знать о каких.

— Нет, не все.

— А я уже начал пугаться: если у меня такой же дом, то я из него и за неделю не выберусь!

— У тебя не такой, — подтвердил мой настырный провожатый, но, несмотря на все старания, не смог произнести эти слова небрежно и беспечно, как, возможно, следовало бы.

Прямо-таки скорбь вселенская прет из всех щелей! Даже интересно становится, что с моим домом не так.

Через несколько миль пути узнаю: всё не так. И район города, и дом, и квартира. Хотя, если учесть мой внешний вид, всё

очень даже соответствует. Грязь и гнусь то есть. Нет, не в том смысле, что квартира не убрана! Вполне себе чистенькая, примерно такая, как и должна бы быть, если в ней живет молодой холостяк. Или старый. В смысле холостяк старый, но по возрасту молодой. Если верить удостоверению личности, которое отыскалось-таки среди вороха прочих бумажек в подобии секретера, стоящего в гостиной (исполнявшей также роль прихожей и всего прочего, потому что из других помещений наличествовали лишь спальня и кухня, да еще одна комната, по словам брюнета, занятая другим жильцом), зовут меня Морган Кейн и лет мне тридцать. Почти тридцать один год, если быть точным. И я на полном серьезе ношу капитанское звание. Вот ерунда-то!

Еще раз с сомнением оглядываю убогую обстановку своего «законного» жилища.

— Послушай, э... — Как мне к нему обращаться? Черт подери! — Мистер. Насколько я понимаю, у капитана, да еще следователя, зарплата не маленькая, верно?

Короткий кивок засвидетельствовал, что мои логические выводы идут правильным путем.

— А почему я живу... в такой... так скромно?

Если эта мина на красивом лице не смущение, то я — полный тупица!

— Это государственная тайна?

— Да нет...

Хороший ответ! Он начинает меня бесить. Человек, а не слова, конечно. И здорово бесить.

— Так «да» или «нет»?

— Присядь, пожалуйста.

— Хорошо, я присяду. Но горю желанием узнать подробности!

Брюнет подождал, пока я обоснуюсь на продавленном диване (комбинация ямок показалась мне настолько знакомой, что вызвала легкое удивление), сам пристроил пятую точку на журнальный столик, сев напротив меня, и, сделав очередную скорбную паузу, начал рассказывать:

— У тебя вообще большая семья: отец и две младшие сестры, но ты с ними не живешь.

— Почему? Места не хватает?

— Дело не в месте... — Подобие вздоха. — Их вообще подолгу дома не бывает.

- Но тогда...
- Ты переехал сюда, потому что плата за ту квартиру слишком большая.
- Что значит «слишком»? Сколько? Тысяча? Десять тысяч?
- Сто тридцать монет.
- Невольно округляю глаза:
- Это разве много?
- Нет, — соглашается брюнет. — Но у тебя есть и другие траты.
- Например?
- Ты должен выплачивать долг.
- За что? И кому?
- Например, колледжу, в котором учился. За... всякие разные неурядицы, происходившие во время обучения. С твоим постоянным участием.
- Не помню. Но что-то в его словах кажется правдивым. Очень.
- И что именно я натворил?
- Я не знаю всех деталей, но были наводнения, пожары и масса других происшествий, оплату ущерба от которых страховая компания перевела на тебя.
- Ничего себе, новости! Пожары? Наводнения? Да ведь это наверняка стоит целую прорву денег!
- Надеюсь, то, что ты сказал, единственная причина моего безденежья? — Интересуюсь уже с куда большей осторожностью, чем раньше.
- Ну... Э... Не совсем, — признает брюнет.
- Что еще? — Хмуро цежу сквозь зубы.
- Еще деньги уходят на оплату обучения твоей дочери. И на нее вообще.
- Дочери?! У меня есть ребенок?
- Мм... Да.
- Взрослый?
- Двенадцать лет. Тринадцатый.
- О господи... Да когда же я успел? Если мне только тридцать, а ей к тринадцати, то, стало быть, зачатие произошло примерно... Значит, я не только колледж успешно разрушал, но и чью-то жизнь. В семнадцать лет? Бред. Как говорится, маразм крепчает.
- Может, у меня еще и жена имеется?
- Нет. Жены у тебя нет и... не было.

Замечательная новость! Главное, чудесно подходящая ко всем прочим подробностям моей биографии.

— Откуда тогда дочь?

Он замялся, постучал пальцами по столику, поерзал, потом все же сказал:

— Во время одного из расследований выяснилось, что она есть на свете и записана на твое имя, хотя биологически твоим отпрыском не является.

— То есть еще и не родная?

Положение усугубляется.

— Да, но... Ты решил оставить все как есть.

— То есть признал ее своей дочерью? С какого перепоя?

— Не с перепоя! — Кажется, его покоробили мои слова. — Просто... скажем так, тебе стало ее жаль. А потом ты и сам к ней уже привязался...

— Не верю.

— Но так и есть.

— А по-моему, ты меня нагло обманываешь. Не стал бы я жалеть чужого ребенка до такой степени, что усыновил бы... в смысле удочерил и тратил на нее деньги в то время, когда самому жить не на что. Я полный идиот, так, что ли?

— Нет, ты не...

Не чувствую уверенности в его голосе. Ни на крошечку.

— Не «нет», а «да»! Только полный и окончательный идиот мог так поступить: неизвестно кто, неизвестно по каким причинам навязывает мне неизвестно откуда взявшегося ребенка, а я соглашаюсь считать его своим, и при этом даже не требую финансовой помощи, что было бы вполне логично и разумно. Не идиотизм, по-твоему? А этот самый ребенок, разумеется, меня бесконечно любит и считает своим папочкой, так? И никто ему, то есть ей, не скажет, что она для меня — ненужная обуза?

Примерно в третьей части своего гневного монолога краем глаза замечаю, что в гостиной нас уже вовсе не двое, а трое. Девчонка, рыжая, довольно миленькая, только хулиганистого вида. Стоит у дверей и слушает. И как вошла, интересно? То ли мы замок не защелкнули, то ли у нее свои ключи были...

Стоп. Если у нее есть ключи от этой квартиры, то она, значит...

Присматриваюсь повнимательнее. Да, наверное, это и есть моя... хм, дочь. Как и предполагал, внешнего сходства — ноль. Разве что цвет глаз, но и только. Да и сейчас глаза эти, что называется, почти на мокром месте.

Брюнет среагировал на перенос фокуса моего внимания, обернулся и слегка побледнел. Испугался, что девчонка все слышала? Ну и зря. Чем раньше узнает правду, тем лучше. Честность в отношениях — лучшая политика. Правда, временами весьма болезненная.

— Ненужная обуза? — Срываясь, повторил звонкий голосок.

— Эд, ты все не так понял! — поспешно возразил брюнет, но девчонка тряхнула рыжей челкой и выскочила за дверь.

Я меланхолично пронаблюдал уход со сцены персонажа под названием «дочь», за что был награжден прямо-таки испепеляющим взглядом:

— Ты... Да как у тебя только язык повернулся?! Разве можно было при ребенке... А!

Взмах рукой, и я остался без последнего собеседника.

Ну и ладушки. Не очень-то и хотелось. Дочь, значит? Ну и жизнь у меня была... Занятная.

Пошарив в холодильнике и не обнаружив ничего, что хотелось бы съесть или выпить, я спустился вниз, прогулялся по двору и в конце концов вышел на довольно оживленную магистраль. Машина красавчика осталась стоять во дворе дома, значит, девчонку он побежал догонять на своих двоих. Замечательно: есть шанс, что несколько часов буду избавлен от назойливого общества блюстителя нравственности.

Брр! Холодно. Ах да, весна только-только начинается, и настоящего тепла еще ждать месяца полтора, не меньше. Надо было накинуть куртку: видел же в шкафу, да не сообразил вовремя. Ничего, ускорю шаг, может, и согреюсь заодно.

— Никогда не думал, что ты можешь быть таким... такой...

— Сволочью? — Услужливо подсказываю запыхавшемуся брюнету окончание фразы.

— Именно!

— М-да? — Засовываю руки в карманы джинсов. — И что я сделал не так?

— Все! Зачем надо было при Эд говорить о том, что...

— Она мне не дочь? А зачем было молчать? Я сказал чистую правду. Надо было лгать? Извини, не умею. Точнее, не помню, умею или нет. Доволен?

— Ты... — Голубые глаза смотрят одновременно негодуяще и сожалея, но это самое сожаление предназначено вовсе не мне, насколько я понимаю.

— И кто же? — Спрашиваю с искренним интересом. — Неудачник, постоянно вляпывающийся в нелепые ситуации?

— Я этого не говорил.

— Не говорил? А что ты вообще говорил, помнишь? Из всего, что ты мне сегодня рассказал, получается, что вся прожитая мной жизнь была чередой идиотских событий, не приносящих мне ни малейшей радости! Родственники со мной общаются только в случае крайней необходимости. Коллеги по работе... Относятся ко мне, мягко говоря, снисходительно, из чего можно заключить, что я занимаю не свое место. Ты достаешь меня уже целый день, а сам себе не можешь назвать причину, по которой это делаешь! Разве что возвращение мне «трезвой памяти» имеет какие-то выгоды лично для тебя. Может, я просто выполняю ту часть работы, которую называют «грязной»? Тогда понятно. Дочь эта... Оторва рыжая. И я еще трачу на нее свои деньги? Нет, это не просто глупо, это... это... это маразм! А может, я — постоянный пациент дурдома? И все твои рассказы всего лишь часть лечения? Психотерапия, да?

Брюнет молчит, словно ожидая, пока мой запал кончится. Нет уж, не дожدهшься!

— И ты хочешь, чтобы я вспомнил всю эту безрадостную галиматью, которая называется моим прошлым? Так вот, мистер как-ва-с-там, я не желаю, слышишь?! Я не хочу ЭТО вспоминать!

Поворачиваюсь и иду. Прямо через проезжую часть, потому что мне нет дела ни до чего: даже если меня сейчас собьет какая-то машина, по крайней мере, умру в счастливом неведении относительно еще более сомнительных подробностей своей жизни.

— Берегись!

Окрик застает меня на крайней левой полосе.

Оборачиваюсь, чтобы увидеть, как ко мне стремительно приближаются два объекта: машина и брюнет. С некоторым

нездоровым любопытством прикидываю: кто из них окажется быстрее, а через пару секунд узнаю точный ответ.

Красавчик. Он первым добирается до меня и с силой толкает в сторону разделительной полосы. Выталкивает почти из-под капота машины. Я лечу спиной назад, но в самый последний момент почему-то хватаюсь за бронека и тяну за собой, так что удар, который он все-таки получает, проходит вскользь, и мы падаем за пределами полотна дороги.

Ч-черт! Песочек на разделительной полосе, наверное, залит каким-то промышленным клеем для пушей красоты, потому что меня тащит по нему, как по терке. Слава богу, джинсы выдержали, а вот рубашка со свитером... Да еще этот, спаситель незванный. Сверху придавил, в довершение всего так стукнувшись собственным виском о мой лоб, что закатил глаза и, похоже, отбыл в обморок, а у меня в голове жестяное ведро загудело натуральным колоколом. И рука... Болит. Неужели, сломал? Только этого и не хватало!

Очухиваюсь и выползаю из-под обмякшего тела бронека аккуратно к моменту, когда рядом останавливается «скорая». Врач делает снимок сетчатки, сверяясь с базой данных, и безмятежно покоящегося красавчика увозят куда-то в частную клинику, а меня оставляют на месте — ожидать приезда полиции, потому что я, судя по медицинской картотеке, заслуживаю только общественной муниципальной больницы.

Ну и черт с ними со всеми. Сажу, стараясь устроить поудобнее ноющую руку и не шевелить теми частями тела, на которых содрана кожа. Не так уж и больно, бывало хуже...

Бывало? Когда? По какому поводу? Совсем ничего не помню, но такое ощущение, что вот-вот, и память прояснится, а я...

Не хочу! Не желаю знать! Господи, ну зачем? Ну почему? Раз уж ты милостиво отнял у меня воспоминания, не возвращай их... Пожалуйста!

— Так, что у нас произошло? — спрашивает офицер полиции.

— У вас? — Болезненно шурюсь. — Понятия не имею.

— Шутник, значит... А скажи мне, шутник, что понесло тебя переходить дорогу в неположенном месте? — следует вопрос, в котором угрозы слышатся ровно пополам с лаской.

— Это мое личное дело!

— Дело, едва не приведшее к смерти другого человека.

— Я его за собой не звал.

— Это другой вопрос. Тогда зачем он побежал?

— Полоумный, наверное, — не удержавшись, пожимаю плечами и закусываю губу, чтобы не застонать.

— Полоумный, значит? А что скажут свидетели? — обращается офицер к небольшой группе зевак.

Полная женщина в цветастом костюме и с кучей кошелок охотно и воодушевленно начинает тараторить:

— Этот бродяга шел по улице, а тот симпатичный молодой человек его догнал, и они о чем-то начали говорить, и громко говорить, а потом вот этот пошел туда, прямо под машины, а тот побежал за ним и толкнул... Спас этому нахалу жизнь, вот! А сам, бедненький, чуть не умер! А может, еще и помрет...

— Будем надеяться на лучшее, — решил офицер. — Еще есть очевидцы?

— Вы позволите? — Через толпу зевак протиснулся пожилой мужчина профессорского вида. — Молодые люди и в самом деле повздорили. Я стоял не слишком близко, но, каюсь, прислушивался к их разговору и... Судя по всему, у этого молодого человека была серьезная причина расстраиваться, а второй пытался его успокоить, но неудачно, в результате чего, собственно, и произошел инцидент. Но что касается спасения жизни... — Он поправил очки и продолжил: — Правильнее было бы сказать, что они спасли жизни друг друга, потому что в момент столкновения этот молодой человек потянул пострадавшего за собой, и можно сказать, основную тяжесть удара принял на себя.

— Но позвольте! — возмутилась женщина. — Этот-то сидит как ни в чем не бывало, а тот даже в сознание не пришел!

— Неудивительно, — возразил старик. — Просто у этого молодого человека лоб оказался крепче, вот и все...

Они препирались еще минут пять, полицейские записывали показания, я тихо дурел, и в какой-то момент мне почудилось, что одно из лиц в собравшейся вокруг толпе уже наблюдалось мной сегодня. Бледное, обрамленное рыжими локонами. С испугом в больших серых глазах.

— Ну вот и все. — Доктор из приемного покоя закрепил на моем предплечье лангету. — Трещина небольшая, заживет бы-

стро. Ссадины покрыли псевдоскином, он отойдет сам, когда сформируется достаточный слой новой кожи. Руку не напрягать, места ссадин не чесать. Все понятно?

— Понятно.

— Через неделю зайдете показаться. Для профилактики.

— Да, доктор.

— И... — Он устало потер переносицу. — Зайдите к кастелянше: нам вчера как раз привезли гуманитарную помощь, а ваша одежда... оставляет желать, так скажем.

— Спасибо.

— Да не за что... Кто там у нас следующий?

Получив в свое распоряжение стеганую безрукавку и новую (относительно, разумеется) рубашку, а также брюки, даже чуть менее потертые, чем мои еще до знакомства с разделительной полосой, я направился к выходу.

Мимо меня по коридору проносились санитары с каталками, носилками, капельницами и прочей утварью, характерной для медицинских заведений. Плюс шатались больные, никоим образом не упорядочивающие общее движение, а, напротив, жутко ему мешающие.

— Я умру? — Схватила меня за рукав женщина, оккупировавшая каталку, остановившуюся рядом со мной на тот краткий миг, пока санитар искал в направлении указание точного маршрута передвижения.

— Нет, ну что вы... Конечно нет!

Взгляд то ли больных, то ли безумных глаз впился в мое лицо:

— Мои дети... Что будет с моими детьми?!

— Все будет хорошо, поверьте...

— Позаботьтесь о моих детях, прошу вас! Позаботьтесь о них... Обещаете?

Санитар рванул каталку вперед, увозя выкрикивающую что-то пациентку, а я прислонился к стене, чтобы не упасть, потому что голова наконец все-таки сделала полный оборот, а в памяти встала совсем другая женщина, лица которой я так и не смог вспомнить, но ее голос ясно звенел в ушах, хотя в тот раз... В тот раз она говорила совсем тихо, почти неслышно.

«Ты уже взрослый мальчик, Морган... Позаботься о своих сестрах и об отце. Обещаешь?..»

Я толкнул дверь и шагнул в прихожую. Или гостиную? Да какая разница!

Темно. Тихо. День подходит к концу. С ума сойти, всего один день, а столько событий... И каких событий! Кажется, сегодня мне удалось разом потерять двух дорогих людей, легко и весело. В своем обычном стиле, как водится.

И ведь я вел себя... Нельзя сказать, что безусловно, но в сложившихся обстоятельствах вполне нормально. Наверное, если бы все повторилось вновь, поступал бы так же, но этот вывод меня как раз не радует.

Так же... По-идиотски то есть. Да, видно, что на роду написано, то и будет исполняться с завидной регулярностью. Но я же правда ничего не помнил! Вернее, не хотел вспоминать. Может быть, и не вспомнил бы, если бы не авария и очередной удар по голове. Заманчиво было бы, кстати, остаться «беспмятным», хотя... Представляю, как за меня взялась бы тетушка по возвращении! Не думаю, что мне хватило бы упрямства выдержать напрашивающиеся сами собой ее «психотерапевтические методы»: я скорее сделал бы вид, что память ко мне вернулась, чем терпеть постоянное моральное насилие со стороны Барбары. Правда, в притворство она бы не поверила, а значит, лечение продолжалось бы до победного конца. Или конца пациента, что тоже очень вероятно...

И что мне делать теперь? Если я и раньше не очень-то был кому-то нужен, то с сегодняшнего дня, похоже, лишился последних родных и близких, хоть как-то заинтересованных в моем существовании. Тоскливо. Ну ничего: к одиночеству я привыкну: все это уже было. Проходил. А куда деть чувство вины? Господи, да и в чем я виноват?

Скрип двери.

Эд. Стоит и смотрит, грустная и серьезная. Что я ей скажу? Что я вообще могу сказать? Прости, милая, но твой папочка бывает и таким монстром тоже? Разве ее это успокоит или обрадует? Интересно, что она сейчас думает, глядя на меня — привидение в очередной потасканной одежде с чужого плеча, с пластырем на лбу, с перевязанной рукой и невнятным выражением лица? Полагаю, ничего хорошего. Ладно, переживу. Что мне еще остается? Броситься с балкона? Не прокатит: хоть этаж и четвертый, вряд ли этой высоты хватит, чтобы убиться на-

смерть. А любой другой исход только добавит мучений. И мне, и ей.

— Знаешь что...

Ну вот, сейчас услышу о себе что-то новенькое. Только бы не слишком шокирующее, хотя... Заслужил. Пусть говорит, что считает нужным.

— Родной, неродной... Хороший, плохой... Я все равно буду тебя любить. Потому что у меня больше никого нет.

Вот так просто. «Больше никого нет». И только поэтому мы остаемся друг с другом? Невелика причина, но, если другой не имеется, сгодится и эта. А потом... Посмотрим.

— Иди ко мне.

Она вздрогнула, расширила глаза, не веря тому, что слышит. Немного подумала, бросилась навстречу и едва не сбила с ног, прижавшись ко мне и обхватив руками. Крепко-крепко.

— Это снова ты? Ты вернулся?

— Да, милая. Прости, что ушел... без предупреждения.

— Это ничего! — радостно заверили меня. — Главное, чтобы возвращаться!

— Пожалуй.

Она подняла голову и спросила:

— Ты жалеешь?

— О чем?

— О том, что вернулся?

Я задумался, а потом ответил. Честно.

— Жалею.

— Ну и зря! — заявила Эд. — Потому что тебе здорово повезло!

— Это в чем же?

— Ты посмотрел на себя со стороны, вот!

— И что в этом хорошего?

— Не знаю, — качнулись рыжие кудри. — Но умные люди говорят, что это очень полезное дело — уметь видеть себя со стороны.

— Ну, раз умные люди говорят... — Я обнял ее за плечи. — Нам, дуракам, стоит прислушаться, верно?

ПРОЛОГ

Сукно бильярдного стола было лазоревым: неуместно яркое пятно посреди мягкого сумрака частного кабинета на задворках паршивого ресторана.

Можно понять вечную тягу высокого начальства к конспирации. Можно смириться с многоступенчатой системой паролей и отзывов. Можно, в конце концов, привыкнуть проходить не меньше полутора миль пешком по кривым переулкам Дип-Миддл-Тауна¹, старательно избегая любопытных взглядов, хотя уклонение от чужого внимания в подобном весьма ограниченном пространстве уже по сути своей являлось чем-то из разряда фокусов, которые не стыдно показывать на большой сцене перед самой взыскательной публикой... Да, можно понимать и принимать многие вещи, предписываемые полуздравым смыслом и традициями твоей службы. Но принимать дурно приготовленную еду отказывается прежде всего желудок. И, как правило, всегда оказывается совершенно прав в своей непоколебимости.

Барбара покосилась на башенку канапе, сооруженную посреди большого блюда, и сделала глоток. Лимонада. Из бутылки, которую принесла с собой: хорошо, что в последний момент сообразила заскочить в продуктовую лавочку. Вкус условно-фруктового пойла не блистал ничем, кроме избытка сахара, но другим посетителям кабинета повезло еще меньше, и теперь по крайней мере двое из присутствующих время от времени бросали на постепенно пустеющую упаковку «Хеппи Хо» жадные взгляды. Или, правильнее было бы сказать, жаждущие:

¹ Район города, средненеприятельный, в котором никогда и ничего не происходит.

вентиляция в кабинете практически отсутствовала опять же по требованиям безопасности, и пить начинало хотеться сразу по прибытии. Спустил шаг после порога.

— Партию? — спросил высокий рыжеватый шатен, примериваясь разбить неровную пирамидку шаров.

Без мундира глава Службы Внешнего Наблюдения Брайан О'Лири выглядел гораздо моложе своих сорока лет, а уж в сумерках кабинета казался и вовсе мальчишкой, особенно по сравнению с Алексеем Артановым, чьи виски уже давно украсила седина.

— Нет уж увольте! — выдохнул начальник Управления Городского Правопорядка, промокая платком испарину на лбу. — И так дышать нечем.

— Уволить я вас не могу, любезный Алексей Викторович... Никкак не могу. — Удар ловко раскидал шары по лазури сукна, правда, до лунки не добрался ни один. — Да и не хочу, иначе придется перебираться на ваше место, а мне на своем куда как спокойнее.

— Из нас троих наверняка спокойнее всего фройляйн фон Хайст, — без тени улыбки на лице заметил Артанов.

— С чего это вы взяли? — чуть не подавилась лимонадом Барбара.

— Да вот, подумалось вдруг... Во время изучения плавной линии ваших бедер.

О'Лири прыснул, но тут же поймал свою смешинку в кулак. На всякий случай.

Барбара хотела поразить нахала в самое сердце, уничижительным взглядом или кием — по выбору, но, сообразив, что лихорадочно ошупывает как раз поэтично описанное Артановым место, мысленно вознесла благодарность богу, богородице и богу... в общем, всему единственно святому, что еще оставалось в ее жизни. Благодарность за плохое освещение.

А вот с лимонадами точно нужно заканчивать!

Полковник фон Хайст глубоко вздохнула и отставила бутылку в сторону. Туда, где до нее миглом дотянулись пальцы последнего из присутствующих, до сего времени остававшегося в стороне от беседы.

— Больше не будете?

Невинный вопрос прозвучал двусмысленно. Впрочем, так звучали всегда и все слова, произносимые меланхоличным Фелипе Авьедо, занимающим пост начальника Отдела по Борьбе с Организованной Преступностью.

— Нет, я уже... сыта.

— И я тоже, признаться. Одной дорогой только сыт, — заявил Артанов. — Ради чего мы сегодня здесь собрались? Рапорт был твой, Филя, так что не тяни резину!

Барбара скромно промолчала о собственных зловключениях и неудобствах, хотя ей чертовски интересно было узнать, зачем на таком узкоспециализированном, что называется, собрании, потребовалось вдруг присутствие Службы Безопасности, да еще в лице Отдела Специальных Операций.

Фелипе выдержал мрачную паузу, жизненно необходимую для того, чтобы проглотить остатки лимонада.

— Дамы и господа, я собрал вас сегодня здесь, чтобы сообщить вам пренеприятнейшее...

— Занятия драмкружка по пятницам, Филя, — напомнил Артанов. — Не трепи наши бедные нервы.

О'Лири снова хохотнул, на этот раз уже не пытаясь сохранить видимость приличий.

— А ты, Боря, если занят в немой сцене, так хоть бы порепетировал, пока есть возможность, — все так же ворчливо посоветовал начальник Управления, и теперь уже Барбара поймала себя на желании улыбнуться, пусть обстановка и не слишком располагала к веселью.

— Алексей Викторович, известие и в самом деле неприятное, — позевывая от нехватки свежего воздуха, продолжил Авьедо. — Очень.

— Ну еще бы! Ради удовольствия в этом сарае не собираются. Так что не томи, говори уже!

Глава Отдела по Борьбе с Организованной Преступностью поставил опорожненную бутылку прямо на бильярдный стол и скудно сообщил:

— Скоро начнется война.

В кабинете стало тихо. Совсем тихо: даже тяжелое дыхание грузного Артанова куда-то бесследно исчезло.

Барбара деликатно кашлянула:

— Прошу прощения, полковник... Что вы имеете в виду?

— Война, — повторил Фелипе. — Знаете, такое событие, которое уносит с собой много времени, ресурсов и человеческих жизней, оставляя взамен руины.

— Я знаю, что такое «война». Откуда она вдруг должна взяться?

— Как обычно, из пороков и страстей, из страстей и пороков. — Авьедо прошел вдоль стола, ладонью меланхолично закатывая шары в лунки. — Война между моими подопечными, если коротко.

— Опять уличные банды? — недовольно поморщился Артанов.

— Хуже. Хотя и принято считать, что мафии у нас нет, она конечно же...

— Была, есть и будет есть, — подытожил О'Лири. — Могу подтвердить.

— Многоголовая гидра мафии? — уточнила Барбара, вспомнив любимые заголовки желтой прессы.

— Угу. И как раз количество голов — самая важная ее особенность.

— Чем меньше, тем лучше?

— Наоборот, — возразил Авьедо. — Голов должно быть много, тогда они заняты преимущественно друг другом, а все остальное общество живет тихо и мирно.

— Хотите сказать...

— Филя, говори прямо и четко, — велел начальник Управления Городского Правопорядка. — Сил терпеть эту духоту уже нет!

— Есть, сэр! — шутливо вытянулся струной Фелипе, но продолжил уже серьезно: — Некоторое время назад один из мафиозных кланов потерял своего хозяина. Сейчас пока еще продолжается траур, но, как только он закончится...

— Преемника нет? — догадалась Барбара.

— Есть.

— Тогда в чем же трудность?

— В преемнике, — кивнул Авьедо.

Полковник фон Хайст поймала себя на мысли, что теперь и ей захотелось сказать что-нибудь вроде: «Филя, не трепи нам нервы».

— Вы же говорите, преемник есть?

— Трудность в том, что его могут не принять в качестве главы клана.

— А!

Передел сфер мафиозного влияния был довольно далек от интересов и служебных обязанностей Барбары, но оставлять подобную ситуацию без внимания и впрямь было нельзя. Оставалось уточнить только одну, последнюю и самую важную деталь:

— Я понимаю ваши трудности, господа. Хорошо понимаю. Но чем я, собственно...

Троица многозначительно переглянулась.

— Видите ли, Варварушка, дорогая... — Артанов по-отечески обнял полковника фон Хайст за плечи. — Вот вы где служите?

— В Службе Безопасности.

— А конкретнее?

— Руководжу Отделом Специальных Операций.

— Вот! — победно вознесся вверх указательный палец. — А нам как раз и нужна будет... «специальная операция».

— И насколько специальная? — настороженно переспросила Барбара.

— Проще говоря, или они нас, или мы их. Так что, Варварушка, дорогая, вливайтесь, так сказать, своим отделом в наши... мм, стройные ряды и — вперед! На баррикады!

ГЛАВА 1

15 августа

Аmano Сэна

— Такой цветник, а садовника нигде не видно... Кто же за вами ухаживает, красавицы?

Девушки зарделись. Честнее было бы сказать: зарумянились, но это слово не показалось мне настолько поэтичным, чтобы выразить все мое...

Наверное, стоило бы разозлиться. Или вздремнуть. Или отлучиться на третий этаж в кафетерий, благо там сегодня заведовала кофе и пирожными немолодая, но оттого только еще нежнее мной любимая мама Клара. Нет, не моя мама, ни в коем случае! Мама всех лоботрясов и сладкоежек, с утра и до вечера наполняющих своим сопением коридоры Следственного Корпуса. А сейчас она как раз должна была вынимать из печи свеженькие, хрустящие, аппетитные... Ну, что-то булочное. В смысле мучное. Правда, мне куда больше сейчас требовалась чашка, а лучше галлон крепкого кофе. Пусть даже растворенного. Эээ, то есть растворимого!

Нет, я вполне себе выспался. Сегодня. Но если учесть, что всю только что прошедшую неделю дежурить приходилось исключительно по ночам...

Ну да, и в ночных клубах случаются проблемы. Даже, пожалуй, намного больше и чаще, чем в дневных, если таковые, конечно, существуют в природе. Клубы дневные, имею в виду. А беда моя состояла в том, что днем после ночных смен отсыпаться толком не получалось. Хорошо Моргану: на весенней зорьке завалится домой, поднимет Эд, засунет в нее завтрак, выводит в школу... Эд, разумеется, а не завтрак, а потом спит без зазрения совести до самого домашнего задания, которое

удачно совпадает с ужином. И потом еще, сладко потягиваясь, тянет, с улыбочкой такой невинно-мерзопакостной: «Как же плохо, когда у тебя нет ну ровным счетом никакой личной жизни...»

Так и хотелось ему в эти минуты врезать. Хорошо так врезать, душевно. И клянусь ками, если бы в прозрачных сумерках его глаз не барахталась совершенно искренняя зависть, за рукоприкладство я бы продолжил дежурить уже не в ночном клубе, а в карцере!

Личная жизнь, говорите? Если бы! Жизнь скорее общественная. Семейная. А вернее, жизнь предков. Я своего деда с рождения не видел ни разу, да и в роддоме что-то не припоминаю чье-то лицо, кроме мамино и папиного, но что толку? Дед-то есть и исчезать пока никуда не собирается. Хотя попытка вроде была... Даже наоборот: жаждет лицезреть своего внука. Не единственного, конечно. И не самого любимого, слава ками! Только принимать дедулю дома все равно придется, причем исключительно мне, потому что Тамико (которая, кстати сказать, намного лучше знакома с нашими многочисленными родственниками, чем я) предпочла отговориться неотложнейшими и самими что ни на есть деловыми делами, оставив меня на растерзание...

Их имена я так и не выучил. Невозможно заучить столько протяжно-шипящих слогов сразу! Тамико этих бездельников представили как мастеров по оформлению интерьеров, вот только то, что оформлять они умели разве что уличные урны, выяснилось как раз на следующий день после отбытия сестренки восвояси.

Я ругался. Нет, не так: я бушевал. Страшнее любой из гроз, которые вообще когда-либо обрушивались на столицу. Но как сезон дождей не длится долго в наших широтах, так и меняхватило не больше чем на пару часов: выгнал взашей, и все. Ну да, погорячился, признаю. Особенно когда увидел, сколько они успели натворить... в смысле наоформлять в мое отсутствие.

Вот так и получилось, что на сон у меня оставалось всего ничего, а прочее время до начала дежурства приходилось тратить на ликвидацию свиноптичекоровника, обосновавшегося там, куда вскоре должен был въехать дедуля. И зачем только Тамико вздумалось начинать ремонт? Разве только чтобы горестно

всплеснуть руками, смахнуть горячую слезу и пробормотать, пряча глаза от взгляда высокого гостя, что его ожидают апартаменты в гостинице? Не то чтобы я был совсем уж против такого варианта развития событий, но не пускать на порог родственника...

Хотя родственники, конечно, бывают разными. Взять, к примеру, Моргановых. А еще лучше взять сразу Барбару. За грудки. И спросить: да сколько же можно шептаться с моим напарником в кабинете?!

— Капитан скучает?

Ага, как же. Капитан взбешен. Но конечно же не покажет и сотой доли своей ярости перед такими очаровательными леди.

— А вам, красавицы, как вижу, скучать не приходится?

Стайка блондинок в кителях с сержантскими нашивками зачирикала. То есть засмеялась. Кажется, пару из этих милых крошек я даже знаю по имени... Ну, меня-то они точно знают. И при других обстоятельствах я был бы даже рад отсутствию рядом своего напарника, но его затянувшаяся беседа с тетушкой почему-то начинала действовать мне на нервы. Странно, раньше меня вроде бы не раздражали такие паузы...

— Да мы все в делах, все в заботах... — томно протянула одна из девиц, подбираясь ко мне поближе. И подобралась бы, но в этот момент дверь кабинета распахнулась, являя миру мистера Моргана Кейна собственной персоной...

Вернее, модель Моргана, потому что человеком, особенно разумным и мыслящим, ТО, что выползло в коридор, назвать было трудно.

Единственным плюсом и одновременно минусом его появления было поспешное бегство девушек от греха подальше, потому что они хоть и проходили практику где-то в недрах Корпуса Гражданского Содействия, о фамильном привидении Следственного Корпуса... то есть о нашем ходячем несчастье были наслышаны не хуже чем о последних тенденциях моды наступающего осенне-зимнего сезона. А слухи распускал, разумеется, такой же светловолосый, как и они, товарищ по фамилии Паркер. С первой, и единственной, целью — отвадить женщин. От себя, от меня, а заодно и от Отдела. Конечно, некоторые

особо отчаянные все-таки проникали на нашу территорию, но Джей никогда не допускал падения защитной информационной стены ниже допустимой отметки, а Морган...

Да, он, пожалуй, тоже успешно вносил свой вклад в Джево дело. И вклад существенный, особенно сегодня.

Мне всегда казалось, что невозможно идти и вообще оставаться на ногах, качаясь из стороны в сторону, как ива на ветру. Создавалось отчетливое ощущение, что конечности Мо болтались сами по себе и не падал он только потому, что продолжал движение. До стены. А потом уткнулся лбом в полированный камень, которым облицованы коридоры корпуса, и жалобно прошептал:

— Убейте меня... кто-нибудь... пожалуйста...

Я бы не поверил собственным ушам, но случившееся дальше ясно показывало, что капитан Кейн не в себе. Зачем иначе раз за разом стучаться лбом о стену?

— Эй, ты чего?!

Пришлось схватить его за плечи и дернуть на себя. Хорошо, что позади оказалось просторное кресло, которое хоть и скрипя, но приняло нас в свои объятия. И вот теперь я уже с полной уверенностью мог заявить всему миру, что мой напарник сошел с ума или того, что вообще у него имелось в голове, потому что Мо затих на мне на долгую минуту, в течение которой только и оставалось молиться, чтобы никто не заглянул в вестибюль перед кабинетом полковника фон Хайст. Репутация, знаете ли, такая хрупкая штука: хорошо, когда она есть, но когда ее слишком много... М-да.

— Может, встанешь?

Он послушно приподнялся, впрочем не покидая окончательно мои колени. Просто сел, ссутулившись. Ладно, не так уж и тяжело. Выдержу.

— Что стряслось?

Молчание длилось достаточно, чтобы вызвать у меня приступ чесотки, особенно в правой ладони, которой так и хотелось съездить по растрепанному затылку. Но, поскольку Морган и так выглядел прилично стукнутым, да еще чем-то намного тяжелее моей руки, праведное негодование поворчало и уползло подальше в тень.

— Вот ты умеешь действовать по обстоятельствам? — горестно спросил вдруг капитан Кейн куда-то в пространство.

Странный вопрос.

— Конечно. А что?

— И Джей умеет. Рэнди уж точно. И все умеют...

— А тебе-то что? Можно подумать, ты не умеешь!

— И я умею... Только обстоятельства, они...

Я не видел его лица, но казалось, он вот-вот заплачет. Слез я мог ожидать от Паркера, от Рэнди, который, чего уж там, любит иногда всплакнуть над чем-нибудь мелодраматическим, только Морган и слезы как-то не вязались друг с другом. Я успел увидеть на этом лице выражение разных чувств, от ярости до печали, и все же слез не было. Никогда. А сейчас мне подумалось, что, наберись я наглости или смелости повернуть его лицо к себе, и сделал бы новое открытие. Из жизни напарника.

— Обстоятельства, они иногда такого требуют...

Он все-таки убрался с моих коленей. И даже остался стоять на своих двоих, хотя и слегка пошатывался. И конечно, ни капли он не плакал. На нем вообще лица не было: какой-то эскиз. набросок, а не лицо. И глаза глядели не просто жалобно, а умоляюще.

— Убей меня, а?

— Один выстрел. Всего один выстрел. Тебе же не будет жалко?

В юности я, признаться, не пренебрегал походами в школьный клуб, занимающийся постановкой всевозможных пьес, классических, современных, народных и прочих. В общем, драматическое искусство мне не чуждо, и при случае я сам активно трясу стариной в этом смысле, но Морган...

Он же вообще притворяться не умеет! Особенно в моем присутствии. Были попытки, конечно, пару раз, но закончилось все форменным позором. Разве только тогда, при той краткосрочной амнезии рядом со мной находился человек, о котором я не имел ни малейшего представления. Но сейчас-то он все прекрасно помнит и сознания не терял. Хотя в кабинет я не заглядывал, и утверждать наверняка...

Нет, баскетбольного мяча там точно не найдется. Максимум мяч для гольфа.

— Мо, или ты скажешь, что случилось, или я...

Он ссутулился еще больше, садясь на корточки, уткнул лицо в ладони, долго тер ими кожу, потом посмотрел на меня.

— Это ужасно, Аmano.

— Да что именно ужасно?!

Я ждал какого-нибудь несусветного откровения, но то, что услышал...

— Барбара считает, что Адвенте нужна мать.

Нет, его точно надо треснуть. По лбу. По затылку. По заднице. Куда достану, везде треснуть. Я, можно сказать, чуть сам с ума не сошел, наблюдая все это представление, а оказывается, всего-то и случилось, что...

— Ты понимаешь, что это значит?

А скорбь-то какая в голосе!

— Обычные женские разговоры. Забей.

— Она хочет меня женить.

О, сколько трагизма! Кажется, знаю, кого можно рекомендовать на роль Гамлета. Хоть в малый, хоть в большой драматический бедлам.

— Ты разве плохо знаешь свою тетюшку? Очередная шутка. Удачная, кстати, если посмотреть на тебя сейчас.

— Вот и ты все шутишь... — В тоне его голоса послышалось что-то новое. Похожее на злобу. — У человека беда, а он скалится...

— Человек над чужой бедой не скалится, — нравоучительно заметил я. — Если он человек.

— Слушай...

И тут он прыгнул. Ловко, как ни странно. И повис надо мной, опираясь на подлокотники кресла, как на брусья.

— А давай скажем Барбаре, что мы... это... того... а? И никакой жены мне не надо. Эд вообще будет только рада: ей тетюшки за глаза хватает в качестве «женской руки» в доме.

— Что «мы» скажем? — переспросил я, чувствуя, как по спине, плотно прижатой к креслу, все же исхитрилась потечь струйка холодного пота.

— Что мы вместе. С тобой.

Его лицо приблизилось к моему на расстояние дюйма. Или даже меньше.

— Все ведь поверят. Спасибо Джею: расстарался...

Я не зажмурился только потому, что это означало бы полную и безоговорочную капитуляцию под неожиданным натиском напарника. Не то чтобы он не был убедителен...

Ками! Да я сам сейчас поверил бы во все что угодно! Вот только проверять бы не решился.

— Это же ненадолго, до совершеннолетия Эд, не больше... Да он вообще представляет себе, сколько это времени?!

Э...

Я и вправду об этом подумал?

Летел он красиво. Жаль, невысоко. И остановила его стена, правда, к ней Морган уже скорее подъезжал. По отменно начищенному полу.

— Не делай так больше. — Я бы встал из кресла, но ноги предательски дрожали. — Еще раз так сделаешь, убью.

В серых глазах было не прочитать ровным счетом ничего. Абсолютно.

— А что это мы тут рассиживаемся? — проворковала Барбара, появляясь в вестибюле. — Морган, встань сейчас же, не порти мне полировку.

Она повернулась в мою сторону и недоуменно спустила очки в черепаховой оправе на кончик своего пронырливого носа:

— Капитан Сэна, где вы потеряли свое лицо?

Отлично. Теперь не одно привидение в корпусе будет, а целых два. Скорбное и... злое.

— Ну же, расслабьтесь! Неделя была сложной, но зато закончилась приятным сюрпризом.

Да уж. О-го-го какой сюрпризище!

— Вот! — Мне на колени полетела папка, а ее сестра-близнец шлепнулась рядом с Морганом, так и не выполнившим приказа подняться. — Просто прелесть, а не задание! Всего-то и надо, что поприсутствовать при даче свидетельских показаний и осмотре места преступления.

— И ничего не надо делать? — Я с сомнением посмотрел на пластиковый переплет. — Зачем мы тогда там вообще нужны?

— Ну я же должна время от времени делать моим мальчикам подарки? — Барбара просияла хищной улыбкой. — Кража произошла не где-нибудь, а в... Знаете, такой крохотный домишко на пересечении Сотой и Тысячной?

Я снова потерял дар речи, уже второй раз за последние пять минут.

— Особняк Дюпре? Тот самый?!

— Именно!

Это действительно было подарком. Побывать в месте, где рождается мода чуть ли не всей галактики, и иметь возможность первыми увидеть... А почему только возможность, спрашивается? К нашим услугам весь дом, раз уж выписан ордер. И все же не помешает уточнить:

— А вы не перепутали даты, полковник?

— Какие даты? — недоуменно изогнулась бровь Барбары.

— До Рождества ведь еще далековато...

— Капитан, я не шучу. Но, если вы не в состоянии принять сей жест доброй воли... — Она сделала вид, что потянулась за папкой. — В нашем отделе найдутся и другие модники.

— Ну уж нет! — Я успел перехватить бумаги первым. — Мы едем. Мы уже летим!

— Летите-летите... Голубки, — хохотнула Барбара, захлопывая дверь кабинета.

Неужели день все-таки не окажется испорчен окончательно? Нет, не должен. Полковник фон Хайст редко бывала доброй феей, но если уж решалась на исполнение этой роли, то отыгрывала по полной.

У лифта я обернулся. Морган по-прежнему сидел на полу, так и не прикоснувшись к папке.

— Ладно, хватит уже паясничать! На женитьбе жизнь не заканчивается!

— Знаю, — вдруг ответил он, причем совершенно нормальным голосом. — У тебя машина-то на ходу?

Вопрос был несправедливый, потому что штатный транспорт мы благополучно «убили» еще в прошлом месяце и теперь пользовались попутками, общественными и частными извозчиками, а также теми колымагами, которые имелись в личном пользовании. В моем личном пользовании по большей части.

У Рэнди тоже была машина. Ключевое слово «была», потому что он, как истинный джентльмен, презентовал ее своей невесте, как полагается, вместе с ключами, рукой и сердцем. Не

представляю, как у него хватало терпения добираться до работы в переполненном вагоне монорельса... Хотя нет, представляю. Доусон — земное воплощение бога терпения.

Джей машину заводить даже не собирался. В смысле приобрести. Да и куда ему машина, если он каждый вечер по пути домой посещает как минимум одно заведение, где минеральной водой угощают, только когда очень-очень попросишь, и берут за бокал цену трех коктейлей?

Что же касается Моргана...

— Останови на минутку.

Первые слова после четверти часа молчания, надо же! Не спорю, нехорошо водителя отвлекать разговорами во время движения, но не до такой же степени нужно засовывать язык в...

— Спасибо, конечно, — сказал Морган, оказываясь нос к носу с лобовым стеклом. — Но не обязательно было так резко тормозить.

Я вроде бы смотрел, как он шлепает к киоску с газетами, но перед глазами по-прежнему стояла коридорная стена и безучастное лицо напарника. Да, вот оно! Безучастие. Полнейшее. Должно было быть что-то другое. Скажем, смущение. Даже стыд. Или злость. Уж слишком большой контраст получается между креслом и стеной. Подозрительный, я бы сказал, контраст.

Куда вдруг делось его отчаяние? То, что оно было настоящим, сомнений нет. Пусть повод идиотский, но у Мо всегда все так. Не как у людей. Нет, ему точно было плохо. И больно. Особенно после моего удара. По крайней мере, надеюсь, что должно было быть больно: надо же мне было выместить на ком-то свое... мм, негодование?

Нашел, что предложить! Нет, вы только вдумайтесь! Одно дело время от времени подшучивать друг над другом и окружающими, и совсем другое...

Передняя дверь дернулась, приоткрываясь, но тут же захлопнулась снова: Морган словно передумал занимать прежнее место. Сел на заднее сиденье и раскрыл одну из свежечуленных газет. Потом, по прошествии пары минут, поднял на меня глаза и спросил:

— Чего стоим? Кого ждем?

Наверное, он вправе был на меня обижаться. Ну ничего, пройдет. А если не пройдет...

Всю дорогу капитан Кейн листал газеты, то быстро, то зависая над какими-то отдельными статьями. Никогда не берите себе в напарники аналитика, вот что я вам скажу! Этот предмет мебели хорош в тихом спокойном кабинете, где его можно задвинуть в угол и изредка сдувать накопившуюся пыль, но не в полевых условиях. Все равно как зависший компьютер: жмешь на все кнопки подряд, стараясь его «оживить», а когда он вдруг снова начинает работать, остается только молиться, что первым и последним нажатиями были какие-то безобидные команды, иначе коллапс одной отдельно взятой вселенной обеспечен. Вот так и с Морганом: с одной стороны, лучше, когда он без перерыва творит глупости, чем внезапно останавливается и начинает думать.

Впрочем, одна из газет явно поколебала нормальный мыслительный процесс моего отороженного друга, потому что он начал поворачивать газетную страницу то по часовой стрелке, то против, сосредоточенно хмурясь. И только когда бумажный лист совершил не меньше трех оборотов, я услышал слегка удивленное и чуть разочарованное:

— Во дают, акробаты...

Спросить, что ли, что он там интересного нашел? Э нет, судя по заголовкам на обложке из разряда «Мы расскажем вам все и даже больше!», пристойностью там и не пахнет. Что еще более странно: не припомню у Моргана страсти к чтению желтой прессы. Даже по работе.

— Чего это тебя вдруг на такое чтиво потянуло?

Молчание. Можно было подумать, он не расслышал вопрос. Или сделал вид, что не расслышал.

— Приличнее ничего в киоске не нашлось?

Последовала еще одна пауза, правда на этот раз закончившаяся спокойным ответом:

— Это тоже вполне годится для чтения. А я люблю читать. И картинки разглядывать люблю.

И если вспомнить наш утренний «акробатический этюд», можно решить, что последние картинки, которые разглядывал мой напарник, были из Джеевой коллекции своеобразных

изобразительных искусств. С третьей полки, если мне не изменяет память.

Нет, я ее не читаю, пакость эту! Так, мельком заглянул, когда ставил все на место после очередной мебельной катастрофы, устроенной, что характерно, опять же Морганом. А он мне как раз помогал убирать...

Точно, помогал! Значит, не мог не видеть того же, что видел я. Итак, кажется, я раскрыл маленький секрет нашего скромного хитреца, и моя месть будет поистине...

— Приехали?

О, оказывается, замечтался и педальку отпустил. Совсем. Хорошо еще, что мы и в самом деле добрались до нужного перекрестка.

Особняк Клода Дюпре именовался не «Домом мод», о нет! «Колыбелью», и никак иначе. Впрочем, этот модельер как раз имел полное право на кучу мозговых завихрений, потому что его коллекции оказывались неизменно гениальными вот уже... Дайте-ка сосчитать. Ну да, на протяжении семи сезонов. Более того, даже не готовые модели, а одни только его идеи расхватавались, как горячие пирожки, всеми ведущими производителями одежды и аксессуаров. Я и сам, признаться, не устоял перед линейкой блейзеров прошлого сезона, прикупил, э-э-э, немножко. Ну, не больше дюжины! Правда, при этом пришлось не забывать и о Тамико, потому как она у нас в семье главная добытчица денежных средств, да и вообще хозяйка. В нашей тутошной немногочисленной семье, имею в виду. Так что траты возросли вдвое, но любую сумму искупал восторг в глазах сестры, когда она стала обладательницей платьев, еще не поступивших в продажу.

Ну да, в тот раз счастливая случайность очередного расследования позволила мне нагрянуть на швейную фабрику, а теперь, страшно подумать, я мог стать свидетелем рождения того, что всем другим людям станет известно только через полгода... Нет, меня ничто не остановит на этом полном трудностей и опасностей пути! Разве только одна мелочь, никогда не имевшая и вряд ли когда-нибудь способная иметь отношение к моде.

— Слушай, может, посидишь в машине?

— Это еще почему? — округлил глаза Морган.

— Ну, тебе же все это неинтересно... Там будут сплошные разговоры о тряпках, куча разряженных в пух и прах людей, роскошь повсюду...

Он аккуратно сложил газеты и отодвинул стопку на край сиденья.

— Хочешь сказать, что мне нет никакого дела до одежды?

— Ну... да.

— Ты забыл кое-что.

— Что же?

— В моем доме все-таки появилась женщина, — многозначительно изрек мой напарник, чуть ли не поднимая вверх указательный палец. — А женщина и мода — это неразрывные понятия.

Упс. И правда забыл. Ну вот, теперь подъехать к модельеру на предмет более близкого знакомства явно не получится: представляю выражение его лица при виде Морганового стиля! Ну да ладно. Зато скучать не придется.

Здание, естественно, было оцеплено. Не снаружи, конечно. Внутри, чтобы не привлекать внимание общественности и конкурентов. Пройдя через три ряда охраны, мы вошли в... Ну да, в лифт. А показалось, что вышли на футбольное поле. Да, он был просто огромным, но поражали не размеры, а то, что вокруг не существовало никаких преград для взгляда.

Стекло, прозрачайшее, отмытое и отполированное до полной невидимости. Стекло повсюду: над головами, по сторонам, под ногами. И весь город как на ладони. Вернее, «всем» он стал в конечной точке нашего путешествия, на сто одиннадцатом этаже, а в момент старта столица просто распахнула нам свои объятия.

Ничего удивительного, что мы не сказали друг другу ни слова, пока поднимались. Потому что оба глазели как зачарованные на чудесную картину, раскрывавшуюся перед нами все шире и шире. Правда, интерес Моргана явно был сосредоточен на определенном районе города, но вот на каком, я определить не успел: прозвенел колокольчик, и двери лифта разъехались в стороны.

Да, именно так я и представлял себе святая святых творца моды: цвета и формы во всем возможном великолепии. Конечно, хаоса тоже хватало. Обрезки, обрывки, ленты, нитки, бумажные комки неудавшихся набросков наполняли собой все свободное от людей и мебели пространство, и приходилось практически «плыть» в этом море, активно помогая продвижению и руками и ногами. Где-то в разноцветных волнах иногда мелькали головы стражей порядка, но куда больше попадалось на пути истинно прекрасного. Моделей. И не все из них были...

Да, одетыми были не все. Осознав это, я, предвкушая развлечение, повернулся к Моргану, ожидая увидеть то, что обычно возникало на его лице в подобных ситуациях, но мои надежды жестоко разбились о реальность: напарник бесстрастно стоял посреди всего этого великолепия и беседовал с одним из городских детективов, чуть ли не позевывая от скуки. Заметив мой недоуменный взгляд, капитан Кейн сказал еще несколько слов своему собеседнику, распрощался и подошел ко мне.

— Знаешь, из-за чего весь сыр-бор?

Честно говоря, я даже не хотел узнавать. Какая разница, что привело нас в эту обитель красоты?

— У хозяина всего этого... — Морган взял паузу, чтобы подобрать подходящее слово, но вскоре безнадежно махнул рукой и продолжил: — В общем, у хозяина пропала его любимая кофейная ложечка. Без нее, сам понимаешь, творить моду дальше просто-таки невозможно.

Словно в подтверждение его слов, из огромных дверей, открывающих вид на целую анфиладу комнат, вырвался вихрь, состоявший, впрочем, из одного-единственного человека, заламывавшего руки, а также по возможности другие части тела, и причитающего что-то то ли просто на французском, то ли на французском непечатном.

Увидев новые лица, месье Клод Дюпре подлетел к нам. Вернее, уже только ко мне, потому что Морган удивительно вовремя отступил назад и смешался... Нет, скорее спрятался за ширмой, сложенной из статичного беспорядка и судорожно перемещающихся по помещению моделей.

— Мон дье, только не сейчас! — Модельер схватил меня за рукав. — Умоляю, только не сейчас, когда я в таком состоянии... Вы, несомненно, имеете все необходимые достоинства,

чтобы содействовать мне в моем титаническом труде, но в эту минуту я не могу ни здраво оценить вашу уникальную красоту, ни сосчитать до пяти! Умоляю вас, вернитесь немного позже. О нет, что вы, я вовсе вас не прогоняю, если пожелаете, ждите здесь, но... — Он горестно обвел рукой комнату. — Это не место для таких людей, как вы и я.

Его переполняла энергия. До краев. Сумасшедшая, искрящаяся энергия. И казалось, что, если он не найдет, куда разрядить аккумулятор своего энтузиазма, все взлетит на воздух.

Теперь понятно, откуда в его эскизах это вечное ощущение «на грани нервного срыва»... Но лестно, ничего не могу сказать. Весьма лестно. Жаль, придется признаться:

— Я не модель, месье.

— О, а кто же вы тогда? — Модельер посмотрел на меня с обидой малолетнего ребенка.

— Я детектив. Из Службы Безопасности. Так сказать, призван на помощь коллегам.

Что неудивительно, месье Дюпре, как и многие другие люди, неважно чем занимающиеся по роду профессии, сразу же потерял ко мне интерес. Ну и слава ками!

— Как мне сообщили, у вас пропал весьма ценный предмет посуды?

— О да, да! Ценнее не бывает!

— И когда вы заметили его отсутствие?

— Меня уже спрашивали. Сотню... нет, тысячу раз! Я устал отвечать. Вы можете понять напряжение творческого человека? Я устал!

Очередной истеричный взрыв оказался охотно поддержан хором недовольных моделей, каждая из которых высказывала свои собственные претензии, а потому ни единого слова было не разобрать.

Поскольку в ушах полицейских, присутствующих в колыбели моды чуть дольше, чем мы, виднелись затычки, этот гвалт явно не должен был утихнуть в ближайшее время. Что огорчало. Вряд ли кто-то хотел доводить дело до большой головы, я, по крайней мере, точно, но предпринять хоть что-нибудь в целях уменьшения уровня внешнего шума не успел: за всех честных тружеников, вынужденных тратить время на поиски безделушки, явно никуда вовсе не пропадавшей, а по-

просту затерявшейся в царящем вокруг хаосе, постарался один. Кто бы вы думали?

Ответ правильный.

Морган бесшумно возник за спиной низкорослого модельера. С заметным, как мне почудилось, сожалением, осмотрел топорщащийся платиновыми вихрами затылок, а потом медленно и печально вылил на голову месье Клода крюшон. Из графина, который только что стоял на столе неподалеку.

Это была благословенная тишина. Целых полминуты, в течение которых планета остановила свое вращение.

Конечно, счастье никогда не длится вечно: модельер поймал носом последнюю каплю красно-оранжевого напитка, шумно втянул ее в ноздрю, чихнул, разбрасывая во все стороны фрукты, задержавшиеся в волосах, и повернулся к своему обидчику.

Наверное, будь весовые категории примерно равны, он бы вцепился в моего напарника, а так, будучи ему едва ли по плечо, только грозно вытаращился снизу вверх, а потом мои уши напрочь заложило визгом:

— Арестуйте его! Арестуйте его немедленно! Вы что, не видите? Это же покушение! Покушение на мою...

О жизни речи идти не могло, о чести тем более, поэтому месье Клод долго и часто дышал, пока в его голову не пришло единственно возможное обвинение:

— На мою музу! Он покусился на мою музу!

Морган приподнял бровь, удивительно четко копируя повадки Барбары. Перевел взгляд сначала направо, потом налево, потом снова внимательно посмотрел на модельера. Сузил глаза, словно к чему-то напряженно присматривался, и вдруг хлопнул в ладоши прямо перед носом месье Клода. Над правым плечом. Над макушкой. И замахал руками, приговаривая:

— А ну кыш отсюда, доносчица!

Я отполз к стене, уткнулся в нее лицом, примерно так же, как давеча это проделывал мой напарник, и заплакал. Смеяться не мог по двум причинам. Во-первых, было бы форменным издевательством позволить себе хотя бы одну улыбку по поводу плачевного состояния прически «отца всея моды». А во-вторых... Нет, никакого смеха тут просто не хватит!